

*Захарчук Людмила Николаевна, к.ф.н., доцент кафедры горного дела,
экономики и природопользования*

*Старооскольского филиала Московского геологоразведочного института-
Российский государственный геологоразведочный университет
им. Серго Орджоникидзе*

**АНАЛИЗ ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИХ И СИНТАКСИЧЕСКИХ
ОСОБЕННОСТЕЙ ПЕРЕВОДА РОМАНА Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО
«ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ», ВЫПОЛНЕННОГО К. ГАРНЕТТ**

Аннотация: При переводе романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание» К. Гарнетт прибегает к использованию переводческих приемов компенсации, синтаксической трансформации, заменам, применяет принципы уподобляющего перевода, использует архаизирующие средства языка. Предметно-логическая или эстетическая информация подлинника несколько искажаются, а порой не удается сохранить временную дистанцию, но, в целом, переводчик добивается сохранения исторического колорита, национального своеобразия и передачи предметно-логической и образной информации подлинника.

Ключевые слова: инверсия, повтор, перестановка, лексическая трансформация, временная дистанция, имя собственное, нулевой перевод, архаизмы, исторический колорит, просторечие, оценочная окраска.

Abstract: When translating F.M. Dostoyevsky's novel "Crime and Punishment" K. Garnett resorts to the use of translation techniques of compensation, syntax transformation, substitutions, applies the principles of like-naming translation, uses archaizing means of language. Subject-logical or aesthetic information of the original is somewhat distorted, and sometimes it is not possible to keep a time

distance, but, in general, the translator seeks to preserve the historical color, national originality and transmission substantive and figurative information of the original.

Keywords: inversion, repetition, permutation, lexical transformation, time distance, name own, zero translation, archaisms, historical color, common place, appraisal coloring.

Отличительной особенностью романа «Преступление и наказание», как известно, является топографическая точность изображения Петербурга, упоминание реальных мест, достопримечательностей города. Это создает эффект сопричастности происходящему, придает ощущение реальности. Петербург становится той сценой, на которой проходит жизнь героев.

Достоевский создал в романе необычный образ Петербурга: конкретную социально-бытовую картину и город символов одновременно.

Обратимся непосредственно к тем отрезкам текста романа, в которых создается образ города.

Отрывок 1 [2, с. 24]: **На улице жара стояла страшная**, к тому же духота, толкотня, всюду известка, леса, кирпич, пыль и та особенная **летняя** вонь, столь известная каждому **петербуржцу**, не имеющему возможности **нанять дачу**, - все это разом неприятно потрясло и без того уже расстроенные нервы юноши. Нестерпимая же вонь из **распивочных**, которых в этой части города особенное множество, и пьяные, поминутно попадавшие, несмотря на буднее время, довершили **отвратительный и грустный** колорит картины... **Близость Сенной, обилие известных заведений** и, по преимуществу, **цеховое и ремесленное население, скученное** в этих **серединных** петербургских улицах и **переулках, пестрили** иногда общую панораму такими **субъектами**, что странно было бы и удивляться при встрече с **иною фигурой**.

Перевод отрывка 1 [6, р. 4]: **The heat in the street was terrible: and the airlessness, the bustle and the plaster, scaffolding, bricks and dust all about him, and that special Petersburg stench, so familiar to all who are unable to get out of town in summer** – all worked painfully upon the young man's already overwrought

nerves. The insufferable stench from the **pothouses**, which are particularly numerous in that part of the town, and the drunken men whom he met continually, although it was a working day, completed the **revolting misery** of the picture... Owing to the proximity of the **Hay Market** and the number of **establishments of bad character** there, **the preponderance of the trading- and working-class population** were crowded in these streets and **alleys** in the **heart** of Petersburg, and **types** so various were to be seen that **no figure**, however queer, would have caused surprise.

Проанализируем переводческие приемы, используемые К. Гарнетт при передаче этого отрывка на английский язык.

«**На улице жара стояла страшная...**» - в оригинале используется инверсия, обстоятельство места выдвинуто в предложении на первый план. Выдвижение на первое место в предложении второстепенного члена выполняет здесь связующую функцию. Часть первая подлинника начинается следующими словами (стр. 22): «В начале июля, в чрезвычайно жаркое время под вечер один молодой человек вышел из своей каморки, которую нанимал от жильцов в С – м переулке, **на улицу...**». Далее следует отступление на 4 абзаца, объясняющее обстоятельства жизни героя и его состояние духа. Пятый абзац продолжает описания действия: «**На улице жара стояла страшная...**». Таким образом, инверсия и повтор сочетания «на улицу (на улице)» служат средством связи, объединения частей целого.

При переводе же используется метод перестановки, переводчик употребляет прямой порядок слов, характерный для английского языка: «**The heat in the street was terrible**». Часть необходимой информации при этом сохраняется. Однако имеет место и утрата части информации оригинала, которая, впрочем, компенсируется в дальнейшем за счет замены бессоюзной связи союзной, использования полисиндетона, позволяющего придать данному предложению особый, напряженный ритм, соответствующий смыслу текста: «**and** the airlessness, the bustle **and** the plaster, scaffolding, bricks **and** dust all about him, **and** that special Petersburg stench...».

В оригинале мы читаем следующее: «особенная **летняя вонь**, столь известная каждому **петербуржцу**, не имеющему возможности нанять дачу». Эта синтаксическая конструкция трансформируется в «and that special **Petersburg stench**, so familiar to all who are unable to get out of town **in summer**». Здесь применяется прием перестановки, переноса того или иного слова из одного предложения в другое (в данном случае – из одной части предложения в другую): **летняя вонь** – to get out of town in **summer**; известная каждому **петербуржцу** – **Petersburg stench**.

При переводе словосочетания «столь известная каждому **петербуржцу**, не имеющему возможности **нанять дачу**» применяется лексическая трансформация, а именно генерализация: «so familiar **to all** who are unable **to get out of town** in summer».

С точки зрения синтаксиса, сложное распространенное предложение оригинала произведения «Нестерпимая же вонь из распивочных, которых в этой части города особенное множество, и пьяные, поминутно попадавшие, несмотря на буднее время, довершили отвратительный и грустный колорит картины» полностью совпадает с переводом Констанции Гарнетт: «The insufferable stench from the pothouses, which are particularly numerous in that part of the town, and the drunken men whom he met continually, although it was a working day, completed the revolting misery of the picture». Лексема **распивочные** является историзмом и означает «кабак, питейный дом, где идет распивочная продажа» [1]. При переводе используется нейтральное существительное «**pothouses**»: pothouse – tavern consisting of a building with a bar and public rooms; often provides light meals [8].

Лексема **pot** также имеет сленговое значение **marijuana** [7]. Если принять это во внимание, нужно признать, что такой перевод добавляет отрицательную коннотацию, которой нет в подлиннике. **Распивочные** превращаются в переводе в **наркопритоны**. Но необходимо заметить, что во времена Констанции Гарнетт такого сленгизма еще не было. Однако, в любом случае,

такое значение появляется у существительного **pothouse** сегодня, что значительно искажает смысл подлинника.

Словосочетание «**отвратительный и грустный** колорит картины» передано как «**the revolting misery of the picture**». Значение лексемы **revolting**: extremely unpleasant, disgusting; в то время как **misery** означает: a condition of great unhappiness or great pain and suffering of body and mind [7]. Таким образом, переводчик сгущает мрачные тона Достоевского, усугубляя тот эффект, который производит описываемая сцена на читателя.

Далее наблюдается употребление в начале предложения нескольких однородных подлежащих («**Близость Сенной, обилие известных заведений... цеховое и ремесленное население...**»), что в известной степени утяжеляет синтаксическую структуру предложения и одновременно усиливает впечатление скученности, беспорядочности, хаоса, достигаемое за счет использования соответствующих лексических единиц (**обилие, скученное, пестрили**). При переводе имеет место трансформация синтаксической структуры данного предложения, в котором сохраняется лишь одно подлежащее: «**the preponderance of the trading- and working-class population**». Оригинальное предложение, состоящее из двух частей, соединенных подчинительной связью, трансформируется в трехчастную структуру с сочинением и подчинением.

Своеобразие стиля Достоевского не в последнюю очередь определяется особым синтаксисом: для него характерно употребление развернутых сложносочиненных и сложноподчиненных предложений, обилие перечислений, причастных и деепричастных оборотов, играющее роль организующего принципа, создающее особый ритм прозы писателя. Воспроизведение этого особого ритма, основанного на синтаксическом факторе, на чередовании различных синтаксических единиц, зависит от характера отражения композиционно-синтаксических особенностей оригинала. Сохраняя единство предложения как целого, хотя и прибегая к перестановке частей предложения,

переводчик может добиться «воссоздания ритмико-синтаксической структуры подлинника, его внутреннего движения» [5, с. 266].

Известно, что при переводе имен собственных из области истории, географии, культуры, а также названий местности и прозвищ, имеющих свою семантику, могут использоваться транслитерация либо перевод. Обычно к более известным географическим именам применяется транслитерация, а к именам более узкого местного значения (как названия улиц с четко выраженным образным значением, местностей, зданий) применяется и перевод [Op. cit., 215]. В данном примере топоним «Сенная» передается эквивалентом «**Hay Market**». Действительно, Сенная площадь Петербурга была изначально рыночной площадью, на которой продавали, в том числе, сено; хотя современники Достоевского уже, вероятно, не воспринимали эту площадь только как рынок. Для современного же читателя Сенная площадь – это центр города Петербурга, этимология данного имени собственного еще прослеживается, но далеко не выступает на первый план.

Переводя сочетание «**известные заведения**» как «**establishments of bad character**», переводчик сохраняет эвфемизм, используемый в оригинале, хотя и применяет прием конкретизации («**bad character**»).

Лексема «переулок» передается существительным «**alley**», имеющим следующие значения: 1. a narrow street or path between buildings in a town; 2. a narrow street allowing entry to garages or backyards; 3. **a path in a garden or park, esp. one bordered by trees or bushes** [7]. Русское существительное «переулок» имеет несколько иной объем значения, чем английская лексема «**alley**». Ср.: «**переулок**» - поперечная улка; короткая улица, для связи улиц продольных [1]. Соответственно, при сравнении оригинального словосочетания «в этих **серединных** петербургских улицах и **переулках**» и его перевода «in these streets **and alleys in the heart of Petersburg**» отмечается некоторое искажение денотативного значения оригинала вследствие соединения лексемы «**alleys**» с словосочетанием «**the heart of Petersburg**», где «**heart (of the city)**» не передает значения «посреди, между, промеж или окруженный чем-либо» [Op. cit.],

характерного для прилагательного «**серединные** (переулки)». Соответственно, в переводе утрачивается ощущение стиснутости, скученности, отсутствия свободного пространства, которое наличествует в оригинале и возникает, в том числе, и за счет специфики построения и особого ритма синтаксической структуры оригинала (см. выше).

Разговорное существительное «**субъект**» [4] передается нейтральным «**type**». **Type** – a class or group of people or things that have characteristics in common [8].

Обращает на себя внимание словосочетание «**с иною фигурой**». Форма «**иною**» является сегодня устаревшей, и для современного русского читателя становится маркером временной дистанции. Перевод «**no figure**» не позволяет сохранить временную дистанцию, воссоздать нужную историческую перспективу.

То же можно сказать о переводе сочетания «**цеховое и ремесленное население**». «**Ремесленник, ремесловый, ремесленный люд** – кормящийся ремеслом, напр., сапожным, скорняжным, кузнечным, столярным, вообще мастеровой»; «цех – общество ремесленников одного ремесла» [1]. Данные историзмы переводятся нейтральным сочетанием «**trading- and working-class population**», что также не способствует сохранению временной дистанции оригинала, воссозданию его особой атмосферы. Кроме того, здесь используется прием генерализации, т.е. перевод с помощью замены единицами ПЯ, имеющими более широкое значение.

В связи с вопросом о воссоздании исторической перспективы подлинника необходимо, как представляется, вернуться к переводу топонима «**Сенная** (площадь)» («**Hay Market**»), о котором говорилось выше. По-видимому, можно утверждать, что отказ от использования транслитерации продиктован здесь не только тем, что данный топоним не является в достаточной мере известным географическим именем, но и стремлением переводчика соблюсти дистанцию времени за счет употребления прямого эквивалента, возвращающего читателя к

этимологии данного имени собственного. Соответственно, в этом случае имеет место применение переводческого приема компенсации.

Следующий из анализируемых нами отрывков из романа Достоевского «Преступление и наказание» насыщен лексическими единицами, создающими особый исторический колорит.

Отрывок 2 [2, с. 25]: С замиранием сердца и нервной дрожью подошел он к преогромнейшему дому, выходявшему одною стеной на **канаву**, а другою **в – ю улицу**. Этот дом **стоял весь в мелких квартирах** и заселен был всякими **промышленниками** – портными, слесарями, кухарками, разными немцами, **девицами, живущими от себя, мелким чиновничеством** и проч. Входящие и выходящие **так и шмыгали под обоими воротами и на обоих дворах** дома.

Перевод отрывка 2 [6, p. 5]: With a sinking heart and a nervous tremor, he went up to a huge house which on one side looked on to the **canal** and on the other **into the street**. This house **was let out in tiny tenements** and was inhabited by **working people** of all kinds – tailors, locksmiths, cooks, Germans of sorts, **girls picking up a living as best they could, petty clerks**, etc. There was a **continual coming and going through the two gates and in the two courtyards** of the house.

Русская лексема «**канав**а», которая имеет значение: долгая и узкая яма, неглубокий и неширокий ров; иногда канал, рытый водяной путь [1], передается соответствием «**canal**». Существительное «**canal**» имеет следующее значение: a channel cut through land for boats or ships to travel along, or to carry water to fields for crops [8]. Таким образом, выражение «(дом), выходявший одною стеной на **канаву**» можно понять как «выходивший одною стеной на **ров**», либо как «выходивший одною стеной на **канал**». В первом случае, т.е. при передаче значения «ров» существительным «**canal**», имеет место утрата некоторой вещественной специфики, характеризуемой словом ИЯ. Во втором случае, т.е. если лексема «**канав**а» используется в подлиннике в значении «**канал**», это значение является сегодня устаревшим, и передача его посредством современного существительного «**canal**» нейтрализует

исторический колорит подлинника, не позволяет передать черты эпохи создания романа.

В оригинале романа название улицы, на которую выходил дом Алены Ивановны, зашифровано: «к ... дому, выходявшему... **в – ю улицу**». Не каждый русский читатель может понять, о какой улице идет речь. Только лишь житель Петербурга, легко может расшифровать название улицы, так как расположение и облик домов и улиц, описанных в романе, вплоть до мельчайших деталей соответствует их реальному местоположению и внешнему облику. При передаче имеет место нулевой перевод зашифрованного названия улицы: «to a ... house which on one side looked ... **into the street**». Применение этого способа стало возможным, потому что данный топоним не несет в себе специального значения, а только дополняет картину маршрута Раскольникова.

Выражение «**дом стоял** в мелких квартирах» звучит сегодня достаточно архаично. При переводе имеет место нейтрализация исторического колорита: «**was let out in tiny tenements**».

Сочетание «**tiny tenements**», выбранное для передачи выражения «**мелкие квартиры**», подобрано очень удачно, т.к. лексема «**tenement**» имеет значение: a large building with apartments or rooms rented cheaply, **especially in a poor area of a city** [8]. Таким образом, переводчик передает атмосферу заброшенности, бедности, неухоженности, компенсируя тем самым утрату части информации при переводе лексемы «канал» (см. выше).

Нейтрализация исторического колорита, о которой мы уже упоминали, имеет место и при переводе существительного «**промышленники**». Устаревшее значение глагола «**промышлять**» - «жить, добывать хлеб и все нужное, заниматься чем-либо, как средством жизни» [1]. Соответственно, перевод «**working people**» верно передает денотативное значение, но не сохраняет временной дистанции подлинника.

Словосочетание «**девицы, живущие от себя**» также архаично и означает: «**жить от себя** - содержать себя, добывать пропитание» [1]. При передаче этого словосочетания переводчик использует архаизирующие языковые средства,

находя следующее соответствие: «girls **pick up a living**». Лексема «**girl**» имеет, кроме прочих, следующие значения: 4.a) (often in comb.) a woman worker; b) (esp. formerly) a female servant [7]. Таким образом, денотативное значение передано точно, также сохранена и временная дистанция. Архаизм «**жить от себя**» передан нейтральным «**pick up a living**», тем не менее, архаизация в переводе все же имеет место за счет сочетания этого выражения с существительным «**girls**».

К архаическим элементам подлинника, составляющим его своеобразие и указывающим на эпоху создания романа, относится также и лексема «**чиновничество**», переданная переводчиком с помощью нейтрального, вполне современного существительного «**clerks**».

Устаревшие синтаксические структуры «(шмыгали) **под воротами и на дворах**» также переводятся нейтральными современными сочетаниями «**through the gates**» и «**in the courtyards**».

Глагол «**шмыгать**» достаточно образен, имеет негативную оценочную окраску и является просторечием [4]. Он может использоваться как звукоподражательное слово и означает: «двигаться шаркающими движениями; ходить в разных направлениях; проходить, удаляться быстро, незаметно». Словарь Даля [1] дает следующие значения этого глагола: «бегать, метаться туда-сюда, взад-вперед; уйти скрытно или внезапно выскочить». При переводе, однако, данный глагол полностью выпадает, так как не вписывается в английскую конструкцию «**there + to be**».

Таким образом, при переводе данного отрывка, насыщенного архаическими элементами, такими, как «**промышленники**» (от устаревшего значения глагола «**промышлять**», т.е. «добывать хлеб, зарабатывать на жизнь»), «**чиновничество**», «**жить от себя**», «**стоять в квартирах**» (о доме), «**под воротами**» (в значении «(проходить) через ворота»), «**на дворах**» (в значении «(ходить) по дворам»), «**канава**» (в значении «канал»), а также имеющего в своем составе зашифрованный топоним «**в –ю улицу**», переводчик применяет следующие принципы: уподобляющий перевод, нулевой перевод,

нейтрализация исторического колорита, а также использование архаизирующих средств языка. К.Гарнетт удается подобрать удачные соответствия, передающие не только денотативное, но и коннотативное значение переводимых лексем и сочетаний лексем, что, в целом, позволяет сделать вывод об адекватности предложенного перевода.

Исходя из проведенного анализа, можно сделать вывод, что, несмотря на то, что в некоторых случаях предметно-логическая или эстетическая информация подлинника несколько искажается, а порой переводчику не удается сохранить временную дистанцию, тем не менее, прибегая к приемам компенсации, синтаксической трансформации, разного рода заменам, применяя принципы уподобляющего перевода, используя архаизирующие средства языка, переводчик, в целом, добивается сохранения исторического колорита, национального своеобразия и передачи как предметно-логической, так и образной информации подлинника, достигает сохранения особого ритма оригинала, что в немалой степени способствует передаче авторского своеобразия стиля Достоевского и достижению адекватного эстетического воздействия перевода на читателя.

Библиографический список:

1. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. Современная версия. – М.: Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2001.
2. Достоевский Ф.М. Преступление и наказание: Роман в шести частях с эпилогом/Вступ. ст. А. Кирпичникова; Коммент. Г. Когана и Г. Фриндлендера. – М.: Мир книги, Литература, 2008. – (Бриллиантовая коллекция).
3. Лотман М.Ю. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история. – М.: «Языки русской культуры», 1999.
4. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов/Под ред. Докт. филол. наук, проф. Н.Ю.Шведовой. – 15-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984.

5. Федоров А.В. Основы общей теории перевода. – М.: «Филология ТГИ», 2002.

6. Crime and punishment, Translation by Constance Garnett, Introduction and Notes by Keith Carabine, University of Kent at Canterbury, Wordsworth Editions Limited, 2000.

7. Longman Dictionary of English Language and Culture, Longman Group UK Limited, 1992.

8. Oxford Advanced Learner's Dictionary, Fifth Edition, Longman Group UK Limited, 1995.